И.О. Волков, Э.М. Жилякова

И.С. ТУРГЕНЕВ И О. ДЕ БАЛЬЗАК: НА ПУТИ К ШЕКСПИРУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)

Статья первая

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00219 «И.С. Тургенев и проблемы западноевропейской литературы (по материалам родовой библиотеки писателя)».

Разрабатывается вопрос творческого взаимодействия И.С. Тургенева с О. де Бальзаком. В структуре художественного диалога двух авторов органично выделяется фигура У. Шекспира, ставшая значимой точкой эстетического пересечения. Проблема тургеневского отношения к творчеству французского романиста впервые решается с привлечением достоверного материала личной (родовой) библиотеки писателя. Восприятие Тургеневым Бальзака встраивается в контекст отечественной критики, представленный именами Н.В. Станкевича и В.Г. Белинского.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; О. Бальзак; У. Шекспир; библиотека писателя.

Постижение И.С. Тургеневым творческого мира У. Шекспира происходило не только через прямое восприятие — чтение сочинений в оригинале и переводах, но также и опосредованно. Писатель вслушивался в тот художественный диалог, что звучал между английским драматургом и авторами последующих эпох. Так, Тургенев обратил внимание на присутствие Шекспира в драматических опытах А.С. Пушкина. Он выделил в трагедии «Скупой рыцарь» (1836) стихи (монолог героя о совести), которые, на его взгляд, «носят слишком резкий отпечаток нерусского происхождения» и принадлежат «шекспировской манере» [1. Т. 2. С. 199]:

Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, Незваный гость, докучный собеседник, Заимодавец грубый, эта ведьма, От коей меркнет месяц и могилы Смущаются и мертвых высылают?.. [2. С. 113]

А трагедию «Борис Годунов» (1831) писатель охарактеризовал как возвысившуюся «до формы Шекспира в его драматических хрониках» [3. Т. 10. С. 337]. Во время собственной работы над рассказом «Гамлет Щигровского уезда» (1848) Тургенев среди многочисленных заметок на полях записывает в нескольких вариантах имя Е.А. Баратынского [4. Л. 1]. Позже, в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) он расшифровывает свою запись, проговаривая пушкинскую поэтическую формулу «Гамлет—Баратынский» («Послание Дельвигу», 1828) [3. Т. 5. С. 335].

Гениального читателя Шекспира Тургенев находил в И.-В. Гёте. Вслед за В.Г. Белинским он нередко сопоставляет Гамлета с Фаустом. В сравнении двух художественных типов писатель отдавал преимущество принцу Датскому, поскольку видел в Фаусте гипертрофированное воплощение идеи сомнения. Оба героя, по Тургеневу, своими действиями производят разрушения в жизни близких к ним людей, яркий пример — Офелия и Гретхен. Но если Гамлет, разрушая, «разрушается сам», то «в начале второй части трагедии Гёте мы видим Фауста, спокойно отдыхающего весной на траве» [Там же. Т. 1. С. 215].

Во время чтения произведений Г. Филдинга и Ч. Диккенса Тургенев на полях делает заметы, относящиеся к «шекспировским местам». Например, в романе «История Тома Джонса, найдёныша» (1749) им выделен фрагмент с подглядыванием в замочную скважину (глава VIII), отсылающий (в прямом авторском указании) к комедии «Сон в летнюю ночь» [5. Р. 34]. А в «Оливере Твисте» (1837) Тургенев отчеркивает полную черного юмора фразу о короле Ричарде III из одноименной хроники Шекспира и записывает на полях: «Прелестно!» [6. Р. 299].

В этом ряду знаменитых посредников между Тургеневым и Шекспиром особое место занимает О. де Бальзак, чьи произведения не только очень рано вошли в круг чтения русского писателя, но также стали предметом эстетической рефлексии.

T

Вопросом о возможной близости Тургеневу творчества Бальзака задались уже младшие современники русского писателя. К примеру, Поль Бурже в своем этюде о русском писателе (1886) мимоходом упоминает и автора «Человеческой комедии», указывая на то, что два этих «романистанаблюдателя» стремились к предельной точности в изображении женских типов. Здесь же возникает и имя Шекспира, чьи образы (Имогена и Миранда), по мнению автора, исключительны в мировой поэзии [7. Р. 241-242]. Год спустя этот этюд был переведен на русский язык и опубликован в журнале «Северный вестник» (№ 1. С. 39–59). Поводом же к построению подобной параллели послужило резкое высказывание самого Тургенева в адрес французского романиста. В 1883 г. в журнале переводной словесности «Изящная литература» был помещен некролог, посвященный Тургеневу. Его автор, П.И. Вейнберг, редактор журнала, в своей скорбной речи привел один фрагмент из личной переписки с писателем: строки, «служившие ответом на наше предложение – перевести что-нибудь из Бальзака»:

...я бы скорее – писал он – взялся перевести несколько страниц из Монтеня или Рабле – но уж никак не Бальзака, которого я никогда не мог прочесть более десяти страниц сряду, до того он мне противен и чужд... [8. С. 2].

Год спустя письмо к Вейнбергу было опубликовано полностью в Первом собрании писем писателя [9. С. 505].

Утверждаемая Тургеневым «чуждость» Бальзаку в дальнейшем и стала предметом настойчивого оспаривания. Уже в октябре 1883 г. в журнале «Revue des Deux Mondes» (Обозрение двух миров) появилась большая статья Э.-М. де Вогюэ «Иван Сергеевич Тургенев», в которой автором отдельно было высказано мнение по этому поводу:

Ivan Serguiévitch assurait qu'il n'aimait pas Balzac: c'est possible, on n'aime pas toujours son tre, mais je réponds qu'il l'avait étudié de près. Le Russe se proposa d'écrire, lui aussi, la comédie humaine de son pays; à cette vaste tâche, il apporta moins de patience, moins d'ensemble et de méthode que le romancier français, mais plus de cœur, plus de foi, et le don du style, l'éloquence pénétrante qui manqua à l'autre. S'il est vrai, en France, qu'aucun historien ne pourra retracer la vie de nos pères sans avoir lu et relu Balzac, cela est encore plus vrai en Russie de Tourguénef [10. P. 800].

Иван Сергеевич утверждал, что он не любил Бальзака: вполне может быть - мы не всегда любим своих учителей, но я уверен, что он его внимательно изучил. Русский писатель тоже хотел создать человеческую комедию своей страны; в исполнении этой обширной задачи он проявил меньше терпения, меньше полноты и методичности, чем французский романист, но больше сердца, больше веры и больше дара стилиста, той проникновенной выразительности, что недоставало другому. Если верно, что во Франции ни один историк не сможет изобразить жизнь наших отцов, не прочитав и не перечитав Бальзака, то это ещё более верно в России по отношению к Tургеневу ^{1} .

О «скрытом влиянии» Бальзака на Тургенева в 1902 г. заговорил П.Д. Боборыкин. Кратко и не совсем точно пересказывая содержание тургеневского письма Вейнбергу, он допускает личное неприятие русского писателя («Он его почти не читал? Допустим») [11. С. 4]. Однако, признавая французского автора открывателем нового – «реального» романа, обозначившего целую школу в литературе XIX в., Боборыкин настаивает на неизбежности подчинения «этому непреодолимому импульсу, какой могут давать только великие инициаторы в деле художественного творчества» [Там же. С. 93]².

Два года спустя Дж. Мур в цикле литературных очерков «Признания» (Avowals, 1904), комментируя «любопытный факт того, что Тургенев не смог оценить Бальзака» [14. Р. 128–129], объясняет его тем, что русский писатель по свойству своего гения «отложил в сторону то, что до него не касалось» [Ibid.

Р. 130]. Здесь ирландский автор имеет в виду разницу эстетического видения между двумя прозаиками. Мур относит Тургенева к художникам идеального типа: он «учил, давая миру образ красоты» [14. Р. 132]; «искусство Тургенева бессознательно как природа»; «он глубоко вглядывался в природу и, не пытаясь понять её, понимал» [Ibid. Р. 130]. Бальзак же, с точки зрения Мура, изображает «жизнь, которой мы живём», он «исчерпал повседневную жизнь» [Ibid. Р. 131–132], «рассказывает об украшениях над камином, часах и канделябрах, и они с необыкновенной интенсивностью начинают жить» [Ibid. Р. 131].

Не настаивая, таким образом, на влиянии со стороны Бальзака, Мур первым указывает на отличие творческого метода Тургенева от эстетики французского романиста. Причем в этом разграничении он точно определяет яркие особенности каждого из авторов – вещный мир, с одной стороны, и необходимость идеала – с другой. Много позже эти и другие черты сближения или расхождения будут названы в трудах отечественных исследователей (см. подробней: [15, 16]).

Личное неприятие, испытываемое к Бальзаку, Тургенев впервые высказал в 1857 г. в письме к С.Т. Аксакову (от 8 января). В известной критической характеристике современной литературы Франции писатель назвал Бальзака идолом, перед которым «новая школа реалистов ползает в прахе <...>, рабски благоговея перед Случайностью, которую величают Действительностью и Правдой» [1. Т. 3. С. 172]. В этом отзыве вполне отражена суть тех претензий, что предъявлял Тургенев творческому методу Бальзака. Он порицал его прежде всего за насыщенную неправдоподобность созданных образов. К их оценке писатель подходил с позиции (критерия) живой художественной достоверности, выработанной и закрепленной в традиции русской литературы, главным достоянием которой была человеческая индивидуальность.

Большую полновесность критика Бальзака получила у Тургенева в 1868 г. – в предисловии к русскому переводу романа М. Дюкана «Утраченные силы». Здесь им также развернута картина современной французской словесности, которой он вновь отказывает в притязании на «жизненную правду и простоту» [3. Т. 10. С. 347]. Фигура знаменитого романиста становится словно ярким подтверждением этого отрицания: «великий талант может существовать рядом с непониманием художественной правды в одном и том же человеке – этому поразительный пример Бальзак. Все его лица колют глаза своей типичностью, выработаны и отделаны изысканно, до мельчайших подробностей – и ни одно из них никогда не жило и жить не могло» [Там же].

Выделенная Тургеневым «типичность» в эстетике Бальзака является одной из главных примет творчества французского автора. Предельная обобщенность художественного образа и чрезвычайная сгущенность его характеристики способствовали тому, что он изначально вырастал в тип, приобретал точные и конкретные типические черты. В результате этого бальзаковская правда оказывается практически вне чистого правдоподобия: «автор "Человеческой комедии"

весьма далёк от изображения жизни "в формах самой жизни"» [17. С. 212]. Однако, по убеждению самого Бальзака, «всякий типический персонаж становится грандиозным именно в силу его типичности» [18. Т. 15. С. 421].

Не отрицая художественный талант Бальзака («великий талант»!), Тургенев в этом же Предисловии справедливо признает автора «Человеческой комедии» главой школы французского реализма, к которой он также причисляет и своих близких друзей Г. Флобера, Э. Золя, Э. Гонкура (все – участники знаменитого «обеда талантливых людей» [19. С. 183]). Однако при этом писатель все же делает важную оговорку - именование школы в качестве реалистической «не совершенно точное». Причиной этого ограничивающего уточнения вновь оказывается признак типичности: Бальзак и перечисленные авторы «поставили себе целью изучение и воспроизведение общественной жизни в ее типических проявлениях» [3. Т. 10. С. 358]. В то же время обнаружение типов в художественном изображении действительности было свойственно и самому Тургеневу, однако типическое (национальное) вырастало у него прежде всего из индивидуального, не заслоняя его: «нужно сквозь игру случайностей добиваться до типов - и со всем тем всегда оставаться верным правде» [1. Т. 15. Кн. 1. С. 126].

Выявляя в творчестве Бальзака чуждую «типическую сторону», Тургенев на этом основании противопоставляет ему Л.Н. Толстого, а его образы, в которых нет «и тени правды», ставит в отношения контраста с лицами повести «Казаки». Такая антонимичная параллель, безусловно, выстроена не случайно. Литературная судьба Толстого, как известно, находилась в поле особого внимания Тургенева, а среди произведений своего «ученика» писатель неоднократно восторженно выделял и «кавказский роман» 1863 г.

Оценка «Казаков» как «chef d'oeuvre Толстого и всей русской повествовательной литературы» [Там же. Т. 13. С. 31] в своей высокой степени вступает в острую оппозицию с критикой Бальзака. Восторг Тургенева вызвала «самая живая и самая верная картина Кавказа и его жителей» [З. Т. 10. С. 356]. Художественная проработка главных образов — дядя Ерошка, Лукашка, Марьяна, искусность пейзажных зарисовок с простыми и легкими штрихами, разворачивающими осязаемую эпическую картину, а также описание повседневной жизни — все это в повести Толстого оказывается для Тургенева элементами подлинно реалистического изображения.

Понимание «верной картины» у писателя, безусловно, не сводилось к крайностям этнографии и бытовизма. В теоретико-эстетическом обосновании правды в искусстве («живая правда людской физиономии») он руководствовался принципом, который можно проиллюстрировать его же собственными словами: «Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством» [1. Т. 10. С. 132].

Однако восприятие толстовского изображения «первобытной нетронутой природы» [Там же. Т. 5. С. 167] необходимо и гармонично дополняется у писателя также и планом идеального, который подчеркивает в «Казаках» «самобытность, дикость, сильные

чувства или природную сущность» горцев [20. С. 130]. Принимает писатель и лирико-философскую манеру повествования, родственную его собственной поэтике⁴.

Единственное нарекание у Тургенева вызвало включение в живописную картину Кавказа и его жителей фигуры Оленина, которого он назвал «возящимся с самим собою, скучным и болезненным существом» [1. Т. 5. С. 167]. В эту характеристику обрисованного Толстым героя Тургенев вкладывает черты, явно соотносящиеся с его собственной критикой гамлетовского типа⁵. В итоге сравнение именно с «Казаками» неявно открывает необходимость для писателя и положительного ориентира, нравственно-эстетического идеала. Он не находил его конкретного выражения у Бальзака, который заставляет человека действовать в условиях «смещения непоколебимых основ жизни» [17. С. 55] и в полной «зависимости от материальных основ бытия» [Там же. С. 51].

Тургенев смотрел на Бальзака как на автора, который остался «на почве обычной, ежедневной жизни» [3. Т. 12. С. 343]. Категория обыкновенного была, безусловно, важной и для тургеневского метода, но в ее осмыслении писатель ключевым моментом считал поэтизацию, т.е. «возведение жизни в идеал» [Там же]. Именно за отсутствие этого необходимого качества при «правдиво и горячо схваченной» [Там же. Т. 4. С. 254] действительности Тургенев и критиковал Бальзака.

О специфике же собственно бальзаковского понимания идеала в литературе со слов самого автора свидетельствовала Ж. Санд: «...пошлые существа интересуют меня больше, чем вас. Я их возвеличиваю, я идеализирую их в обратном направлении, в их безобразии или в их глупости. Я даю их уродствам ужасающие или смешные размеры» (цит. по: [22. С. 290–291])⁶.

В то же время в поэзии творчества Бальзака есть и иной вариант идеальных образов - это «романтические характеры, не могущие жить в этом жестоком мире, способные к самоотречению и забвению всех благ земных во имя высшей духовной цели» [24. С. 48]. В 1846 г. «Библиотека для чтения» перевела у себя статью И. Кастилья о Бальзаке, где было отмечено присутствие в «Человеческой комедии» сентиментальных образов: «Однажды Бальзак, перечитавши "Павла и Виргинию", так глубоко окунулся в прозрачные волны гения Бернардена, что вышел из них чистехонек от своей парижской грязи, чист как девочка только что окрещенная. Он бросил слякоть тротуаров, потянул всей грудью росу и солнце, отыскал в Турене мирный пейзаж, и написал один из своих прелестнейших романов "Лилию в долине"» [25. С. 16]. Вероятно, эта тесная связь эстетики Бальзака в изображении идеального и возвышенного с сентиментально-романтическими традициями, отмеченная уже современниками, также была предметом тургеневской

II

С творчеством Бальзака Тургенев познакомился в пору своего заграничного обучения, т.е. в конце 1830-х — начале 1840-х гг. Именно в это время круг его чтения обретает чрезвычайную широту: наряду с изучением

литературы узкоспециальной (философия, история), он интересуется художественными произведениями как признанных классиков, так и современных западноевропейских авторов. В этом сложном многообразии Бальзак прямо соседствует с Шекспиром. Примечательно в нем также присутствие двух романов Шарля Бернара – друга и литературного ученика Бальзака: «Сорокалетняя женщина» (1837) и «Крылья Икара» (1839). Первый, сохранившийся в библиотеке писателя, содержит на одной странице несколько помет на полях. Они представляют собой двойное вертикальное отчеркивание ногтем, знак «NB» и крупную букву «т» карандашом. Все замечания сделаны напротив строк: «седые волосы старика имеют ту же привилегию, что и платье исповедника» [26. P. 84]. А роман «Крылья Икара» был охарактеризован Тургеневым в письме из Берлина к Т.Н. Грановскому (от 20 июня 1839 г.) как «очень интересный» [1. Т. 1. С. 142].

Библиотека писателя сохранила в своем составе три книжных издания, содержащих отдельные произведения Бальзака на языке оригинала. К периоду наиболее раннего знакомства с французским автором принадлежит роман «Шагреневая кожа» из серии «Иллюстрированный Бальзак» (Balzac illustré) [27]. Он был выпущен в 1838 г. в объединенном предприятии В. Леку и А. Делуа. В подготовке этого издания Бальзак принял непосредственное участие. первых, он внимательно отредактировал сам текст произведения, о чем писал Э. Ганской (в письме от 20 января 1838 г.): «Текст иллюстрированного издания пересмотрен настолько тщательно, что его следует считать единственно настоящим, настолько он отличается от предыдущих» [28. Р. 385]. Во-вторых, Бальзак определил характер более сотни иллюстраций, выполненных разными граверами и рисовальщиками. Слово и графическое сопровождение мыслились им в качестве нераздельного единства.

Во время чтения романа Тургенев сделал одиннадцать карандашных помет в пределах печатного текста. Все они сосредоточены на первых семи страницах и представляют собой короткий вертикальный штрих под словом. Такая манера читательской рефлексии была характерна для писателя и во время изучения сочинений Шекспира⁷. С восьмой страницы романа и до самого его конца Тургенев больше не сделал ни одной заметы – и это тоже явление для него характерное (подобным образом он, например, прерывает методичный ход своих замечаний на диккенсовском «Пиквикском клубе»). Вероятно, продолжив чтение, писатель перенес свои комментарии в другое пространство (тетрадь, записная книжка и т.д.).

На первый взгляд фрагментарность тургеневских помет словно подтверждает собственное признание писателя (из приводимого выше письма к П.И. Вейнбергу) в том, что у Бальзака он «никогда не мог прочесть более десяти страниц сряду». Вероятно, здесь действительно имел место перерыв в последовательном изучении романа, однако даже столь краткие замечания на его страницах позволяют говорить, по верному утверждению Л.А. Балыковой, «о заинтересованном, внимательном чтении» [30. С. 71].

Аккуратные карандашные подчеркивания Тургенева, расположенные в самом начале первой главы «Талисман», очень точно свидетельствуют о том, что писатель погружается в особенность бальзаковского стиля. Все его пометы относятся именно к качественной образной характеристике атмосферы игорного дома в Пале-Рояль. Проникновение в структуру авторского слога происходит с самого первого предложения. Подчеркивая слово «imposable» (подлежащий обложению), Тургенев выделяет яркую оценочную метафору, в которой Бальзак соединил абстрактное понятие (страсть к игре) с конкретным (государственный налог). Для русского писателя это был яркий пример того, как в «Шагреневой коже» происходит опредмечивание чувственной стороны человеческого существования (страсть, облагаемая налогом), которая ставится в неразрывную связь с материальным.

Далее Тургенев останавливается на образе старого гардеробщика, который при входе отнял у Рафаэля шляпу. Писатель выделяет «тусклый взгляд» (terne) и «глубокие морщины» (rides) в облике героя, названного «унылым цербером». Вероятно, таким образом проявлен интерес к противоречию в положении этого человека: изможденный вид явно контрастирует с окружающим его страстным миром азарта. Тургенев примечает сознательный авторский прием, раскрывающий степень внешнего и внутреннего саморазрушения вследствие непреодолимой страсти к игре. Не случайно он здесь же подчеркивает используемое Бальзаком сравнение старика с «клячами» (rosses), «на которых уже не действуют удары бича» [18. Т. 13. С. 6].

Тургенев следует за передвижением Рафаэля, его медленным погружением в обстановку игорного дома - «притона» (tripot), как его именует Бальзак, что также отмечено писателем. При входе героя в саму залу, где собрались игроки, он подчеркивает одно из определяющих ее свойств: «fascination» (звон золота околдовывал). Этот обобщенный признак далее получит у Бальзака развернутые характеристики, раскрывающие «поэзию игорных домов». Именно в последующем метафорическом описании пометы Тургенева достигают особой густоты. Все выделенные им слова относятся к авторской оценке того состояния, к которому приводит безудержное азартное влечение. Писатель подчеркивает прямые определения, фиксирующие эмоционально-психологическое напряжение: «cuisans» (жгучие сожаления) и «prurit» (зуд нетерпения), выделяет выразительное сравнение игрока с «pâmé» (томящийся любовник) и уподобление его внутренних страданий физической боли: «martingale» (кнут удваиваемых ставок).

Последняя помета Тургенева содержится в ряду контрастных сопоставлений, раскрывающих глубину разрыва между алчным желанием (требованием) и низменной реальностью. Писатель выделяет слово «grabat» (убогая постель), противопоставленное у Бальзака «мягким тканям Востока» [18. Т. 3. С. 8]. Завершается этот ряд характерным для французского автора драматичным замечанием о том, что на земле «ничто не осуществляется полностью, кроме несчастья» [Там же]. Именно на этом риторическом момен-

те Тургенев перестает сопровождать свое чтение замечаниями в тексте. Интересно, что прерывает он их непосредственно перед галереей лиц, собравшихся в игорной зале.

Однако формальное проявление признаков тургеневской работы с романом Бальзака не исчерпывается только пометами карандашом. Экземпляр «Шагреневой кожи» из библиотеки писателя содержит еще одно красноречивое свидетельство неравнодушного чтения. В книге недостает двух страниц (или одного листа) - между стр. 286 и 289 остались лишь следы неаккуратного отрыва в виде продольной полосы обрывков в переплете. Неслучайность их отсутствия подтверждается их же содержанием. Во-первых, эти страницы заключают в себе сцену встречи Рафаэля и Полины в Итальянском театре - сцену значительную для всего последующего повествования и развития драмы главного героя. Во-вторых, в текстовое пространство также входит графическое изображение портрет Полины, соответствующий тому описанию, что приводит Бальзак.

Если «автором» вырванных страниц был именно Тургенев, то это может говорить не только о его интересе к образам и сюжетной структуре «Шагреневой кожи», но и о понимании им той связи между текстом и изображением, которую предполагал Бальзак, когда принимался за реализацию иллюстрированного издания. По задумке французского писателя, гравюра (с размытыми контурами, без четких границ) должна была так же входить в структуру романа, как это было в случае со змеистой линией — цитатой из «Тристрама Шенди» Л. Стерна, выполняющей роль эпиграфа, и левантской надписью на талисмане.

Чтение «Шагреневой кожи», открывающей период «художественной зрелости» [31. С. 248] ее автора, таким образом, оказывается одним из фрагментов того этапа, когда молодой Тургенев, еще четко не определивший для себя литературное поприще в качестве основного, находился в активном поиске «собственной манеры изображения жизни» [30. С. 62]. Знакомство с Бальзаком было опытом погружения в совершенно особую стихию письма, связанную с развернутой детализацией и экспрессивностью описания, приемами объемного контраста и сравнения.

Тургенев, окунувшийся в немецкую культуру, также не мог не отметить для себя и значительность произведенного Бальзаком художественного соотнесения главного героя «Шагреневой кожи» с Фаустом Гёте, чье творчество в это же время находилось в центре его внимания.

И.Ю. Виницкий находит в поздних письмах Тургенева отклик на одну метафору, употребленную Бальзаком в романе. Исследователь видит прямую связь между тем, как тяжелобольной писатель в посланиях к разным адресатам сравнивает свое недвижное положение, обусловленное физической болью, с «устрицей, приросшей к скале», и сходным же определением из «Шагреневой кожи»: «устрица этой скалы» (huîtres de ce rocher) [32. С. 271]. В обоих случаях ключевым смыслом употребленной метафоры является предельная неподвижность в преддверии смерти, однако оттенки значения существенно разнятся: у

Тургенева акцент сделан на мучительную скованность («...ни стоять, ни ходить, ни ездить в экипаже не могу, не возбуждая самых неприятных болей в груди, плечах и т.д.» [33. C. 15]), а у Бальзака – спокойствие и уединение («Валантен сразу же решил поселиться со стариком и ребенком, дышать тем же воздухом, есть тот же хлеб, спать тем же сном, наполнить свои жилы такою же кровью...» [18. Т. 13. С. 237]). Важно также и то, что «Шагреневая кожа» – это не единственный роман, где автор пользуется «устричной» метафорой. Подобные сравнения звучат, например, в «Отце Горио», «Гобсеке» и «Лилии долины», хотя эти случаи лишены мортальной семантики. Вероятно, здесь можно говорить лишь о типологическом схождении в использовании довольно распространенного сравнения, которое, безусловно, не может быть объяснением резкости высказываний Тургенева по отношению к Бальзаку, на чем настаивает И.Ю. Виницкий [32. С. 271].

Помимо «Шагреневой кожи» в библиотеке Тургенева сохранились еще два разных издания произведений Бальзака. Первое из них — это роман «Жизнь холостяка», включенный в состав читательского конволюта наряду с тремя повестями А. Дюма из сборника «Тысяча и один призрак» («Завещание господина де Шовелена», «Обед у Россини» и «Джентльмены Сьерры-Морены»), «Сцен ньюйоркской жизни» С. Робинсона (в переводе Э. Лабедолльера) и «Хромого беса» А. Лесажа (из серии «Иллюстрированный роман»). Конволют выполнен в твердом переплете, на корешок которого нанесены инициалы Тургенева: «І.Т.».

Роман «Жизнь холостяка» извлечен из четвертого тома серии «Иллюстрированные произведения Бальзака» (Oeuvres illustrées de Balzac), которая выходила во Франции в 1851-1853 гг. в десяти томах. Хотя помет на книге нет, она, безусловно, была полностью прочитана писателем, и этот факт позволяет установить еще одну достоверную точку в хронологии его изучения бальзаковского творчества. Вероятно, Тургенев, находясь во второй половине 1850-х гг. в Париже, приобрел несколько сочинений французского автора, в числе которых была и «Жизнь холостяка». С романом, очевидно, он ознакомился в это же время, и здесь оказывается очень знаменательным пересечение момента чтения с резко критической характеристикой Бальзака в уже упомянутом письме к С.Т. Аксакову (от 8 января 1858 г.). Несмотря на свою жесткую оценочную позицию, Тургенев выделяет конкретное произведение и включает его в состав конволюта, что само по себе уже более чем примечательно.

Закономерно также упоминание в этот период имени французского писателя и в романе «Дворянское гнездо» (1859). Тургенев называет его в ряду литературных предпочтений Варвары Павловны: «Бальзака она уважала, хоть он ее утомлял» [3. Т. 6. С. 132]. При этом, примыкая к именам Э. Сю, А. Дюма и П. Феваля (а «в душе она им всем предпочитала Поль де Кока» [Там же]), популярным в 1840-е гг., Бальзак, однако, отделен от них. То есть, хотя и едва уловимо, индивидуальность этого писателя все же

отмечена автором даже в непритязательном вкусе его героини.

Помещенный в конволют роман «Жизнь холостяка» (Un ménage de garçon), относимый автором к Сценам провинциальной жизни, рассказывает трагическую историю одной семьи, чьи злоключения тесно связаны с падением Наполеона и Реставрацией Бурбонов. То есть драма личного, семейного существования встраивается в драму национального масштаба. Это произведение, созданное Бальзаком в начале 1840-х гг., дает представление об эволюции творческого метода автора. Не только увеличивается объем романа, но усложняется образ главного героя, большее внимание обращено на психологию человеческой личности. В центр романного действия Бальзак ставит личность офицера наполеоновской армии, показывая в социальной динамике (от возвышения до падения) ее нравственную деградацию.

Тургенев не мог не отметить в «Жизни холостяка» это изменение авторской манеры по сравнению с произведениями Бальзака самого начала оформления замысла «Человеческой комедии». Роман обретает большую эпическую полноту. Причем вместе с увеличением количества персонажей, микросюжетов одновременно происходит и накопление драматических точек. «Страстная» природа человека здесь разрабатывается в многоаспектном виде, хотя автор попрежнему остается верен своей теории типизации.

Рассказанная в романе Бальзака история опустившегося офицера тематически была близка Тургеневу. Так, во второй половине 1840-х гг. он работал над повестью «Петушков», в которой показана картина безрассудного униженного волокитства поручика за молодой булочницей. Интересно, что чтение «Жизни холостяка» по времени близко стоит с теми изменениями, что писатель внес в свою повесть. Это были подготовка к изданию 1856 г. и прибавление целой сцены (глава VIII) в начале 1860-х гг. [34. С. 582].

Последнее сохранившееся издание Бальзака в библиотеке Тургенева, бывшее предметом чтения русского писателя, – это 23-й том из его Собрания сочинений (Сцены парижской жизни), которое выходило в 1856–1859 гг. В него включены повести «Банкирский дом Нусингена», «Тайны княгини де Кадиньян», «Сарразин», «Фачино Кане» и роман «Чиновники». Это парижское издание изначально имело мягкое оформление, а позднейшее переплетение в твердую основу, вероятно, было сделано по просьбе самого Тургенева. На обе крышки нового книжного блока наклеены начальные бумажные обложки.

Большинство перечисленных произведений написано и опубликовано Бальзаком в конце 1830-х гг. («Сарразин» в 1830-м г.). В своей совокупности они наглядно иллюстрируют идею «Человеческой комедии» с повторяющимися персонажами и многообразием типов (особенно характерен в этом плане роман «Чиновники», дающий «многочисленные типы парижских чиновников в коротеньких и бойких сценах» [35. С. 52]). Через это издание Тургенев также получил возможность услышать историю «возникновения писательских замыслов» [Там же. С. 153–154] из уст самого автора: вступление к повести «Фачино Кане»

содержит своеобразное авторское объяснение цели и способа «наблюдать жителей предместья, их нравы и характеры» [18. Т. 7. С. 340]. То есть к началу 1860-х гг., спустя десять лет после смерти французского романиста, Тургенев имел уже более чем определенное представление об эстетике его творчества и системе большого художественного замысла.

Ш

Знакомство с творчеством Бальзака и его начальное изучение происходило для Тургенева вблизи двух знаковых фигур – Н.В. Станкевича и В.Г. Белинского. Во время учебы в Берлинском университете и путешествия по Италии общение со Станкевичем, по всей видимости, включало в себя и разговоры о современной французской литературе, эстетике нового направления. Сам русский поэт и мыслитель оценивал Бальзака не очень высоко: «привык его считать не выше, как образованным, не без чувства, человеком, но без искренности, без глубины» [36. С. 276].

В письмах к Я.М. Неверову начала и середины 1830-х гг. Станкевич упоминает о чтении «Сцен парижской жизни», «Сельского врача», «Маран», «Евгении Гранде», «Истории тринадцати» и «Шагреневой кожи». В последнем романе Станкевич обратил внимание на «превосходно развитый» характер Феодоры [Там же. С. 277–278], а также на сочетание фантастического и обыкновенного - хотя в этом искусстве синтеза он отказывает Бальзаку, предпочитая ему Гофмана, у которого сверхъестественное имеет более полное основание [Там же. С. 583]. В то же время видно, что по мере знакомства с творчеством романиста отношение к нему несколько меняется, включая в себя и положительную оценку: прочитав «два эпизода из "Histoire des Treize"», Станкевич советует и Неверову прочесть второй из них, особенно ему понравившийся [Там же. С. 307].

Позиция Белинского по отношению к творчеству Бальзака также отличалась противоречивостью. От 1834 до 1847 г. критик прошел путь сначала восторженного признания («О, какое непостижимое искусство обрисовывать характеры со всеми оттенками их индивидуальности!»; «его картины бедности и нищеты леденят душу своею ужасающею верностию» [37. Т. 1. С. 84, 279]), а затем ироничного неодобрения. Встраивая в своих первых статьях имя Бальзака в ряд признанных гениев мировой словесности – Шекспира, Гёте, Байрона, Аристофана и др., он далее язвительно называет его «Гомером Сен-Жерменского предместья, знакомого ему только с улицы» [Там же. Т. 6. С. 521]8.

Однако даже отрицательная оценка неоднородна по своей структуре. Белинский в разное время выступает с критикой разных сторон бальзаковского творчества, не делая цельных и обстоятельных заключений. В течение более чем десятилетнего периода он подвергает осуждению личный аристократизм французского автора, фантастический элемент в его повестях, изображение торжества низменной страсти, «нападки на жизнь, особенно на бедность» [Там же. Т. 3. С. 72], склонность «рассуждать там, где надо рассказывать» [Там же. Т. 4. С. 116], недостаток правды, «временные и относительные» красоты» [Там же.

Т. 8. С. 168], нагромождение лиц и деталей быта. Столь же неравномерно Белинский оперирует именем Бальзака в своих рассуждениях. Он то причисляет его к школе «неистовых авторов», под знаком которой тогда рассматривалась «почти вся современная французская литература» [39. С. 163], то противопоставляет им или невыгодно сравнивает с П. де Коком, а также с Ж. Санд.

Противоречивость и многоаспектность критики, не лишенной объективности, объясняются не только стремлением объять всю современную литературу Франции, но и необходимостью противопоставить ей особенности развития российской словесности [40. С. 81]. Не случайно Бальзак становится для Белинского маркером подражательных тенденций (таких авторов он называет «бальзачниками») — например, в случае с А.А. Бестужевым-Марлинским и В.М. Строевым. Особенной резкости критика в отношении французского романиста достигает после 1841 г., что довольно характерно на фоне общего сложного процесса эволюции эстетических воззрений Белинского, изменения его этико-философского взгляда на роль и место человеческой личности в обществе и мире.

Развивая свою изначально положительную оценку в сторону отрицательного, Белинский, однако, постоянно отдает должное авторской индивидуальности Бальзака, его «замечательному таланту». «Шёл своею дорогою» [37. Т. 6. С. 61] и исходил из «более или менее искренних личных убеждений» [Там же. Т. 10. С. 109] — эти утверждения он повторяет вплоть до последних своих статей.

Знакомство (февраль 1843 г.) и тесное общение Тургенева с Белинским пришлись именно на период резкого отказа критика от того, чтобы считать Бальзака подлинным живописателем современной действительности. Вероятно, происходившая у писателя вблизи Белинского «переоценка ценностей» не могла не затронуть и восприятие творчества французского

романиста. Примечательно, что этот период был отмечен присутствием самого Бальзак в Петербурге, который пробыл здесь с конца июля по начало октября 1843 г. Он расположился в самом центре города, заняв меблированные комнаты в доме купца Титова на Миллионной улице [41. С. 200]. Тургенев в это время вместе с братом снимал квартиру также в центральной части Петербурга — на Стремянной улице [42. С. 59]. О том, что французский романист прибыл в столицу (факт, освещаемый также в местной прессе [41. С. 208–211]) и находится даже в непосредственной близости от него, Тургенев не мог не знать.

В конце 1840-х гг., когда была организована новая редакция «Современника», в начальных номерах этого журнала выходили первые рассказы из «Записок охотника». Вместе с художественными произведениями Тургенев публиковал здесь и критические статьи. Некоторые из них, не без основания приписываемые писателю, содержат негативные отзывы о Бальзаке.

Речь идет о трех фельетонах из «Современных заметок» (II-IV книжки «Современника» за 1847 г.), которые были атрибутированы М.К. Азадовским как принадлежащие именно Тургеневу [43]. Приводимые ученым аргументы достаточно убедительны и до сих пор не были подвергнуты какому-либо серьезному опровержению [44]. Выделенные Азадовским тексты вводят «немало данных, которые так или иначе отзовутся потом в творчестве писателя» [45. С. 121]. Изначальная критика Бальзака, выведенная на страницах нового журнала, действительно отзывается очень значительно как в произведениях, так и в письмах Тургенева. Он называет его здесь «знаменитым французским романистом», который «страшно исписался» [46. С. 294] и следит за вероятным назначением Бальзака в «академические кресла» [Там же. С. 240, 294]. Из «Современных заметок» становится ясно и то, что русскому писателю в 1847 г. был известен роман «Отец Горио» [Там же. С. 260].

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛИТЕРАТУРА

¹ Перевод наш. – *И.В.*, Э.Ж.

² В 1940-м г. Л.В. Пумпянский, словно в противовес этому заключению, писал: Тургенев «ни разу в своём развитии не встретился с темами и проблемами Бальзака» [12. С. 93].

³ Впервые очерк о Тургеневе был опубликован в журнале «Pall Mall Magazine» в 1904 г. (Vol. 32. April. P. 481–486). В том же году выдержки из него были напечатаны на русском языке, см.: [13. С. 651–653].

⁴ Чрезвычайно интересно замечание Б.М. Эйхенбаума: «В редакции 1858 г. "Казаки" приобретают характер культурно-исторического романа тургеневского типа, с героем, который находится в явном идейном родстве с Рудиным» [21. С. 857].

⁵ Ср. высказывание о современной литературе в письме к П. Виардо от 8 декабря 1847 г.: «болтовня эгоизма, изучающего самого себя и восхищающегося самим собою» [1. Т. 1. С. 373].

⁶ См. также другое высказывание Ж. Санд в подобном ключе: «Говорили, что в душе у Бальзака не было идеалов, и что в его оценках сказался деспотизм его ума. Это неверно. У Бальзака не было какого-то определённого идеала, он не был сторонником той или иной социальной системы, той или иной философской истины. Но у него была эта потребность поэта, ищущего свой идеал во всём, к чему он прикасается» [23. С. 667].

⁷ О Тургеневе – читателе Шекспира см.: [29. С. 33–40].

⁸ Интересен фрагмент в «Воспоминаниях» Д.В. Григоровича: «Увлечение Бальзаком было причиной, что Белинский, к которому в первый раз повел меня Некрасов, сделал на меня впечатление обратное тому, какое я ожидал. Настроенный Некрасовым, я ждал, как счастья, видеть Белинского; я переступал его порог робко, с волнением, заблаговременно обдумывая выражения, с какими я выскажу ему мою любовь к знаменитому французскому писателю. Но едва я успел коснуться, что сожитель мой, – имя которого никому не было тогда известно, – перевел "Евгению Гранде", Белинский разразился против общего нашего кумира жесточайшею бранью, назвал его мещанским писателем, сказал, что если бы только попала ему в руки эта "Евгения Гранде", он на каждой странице доказал бы всю пошлость этого сочинения» [38. С. 81].

^{1.} Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1981 (издание продолжается).

^{2.} Пушкин А.С. Скупой рыцарь // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений и писем: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. 7. С. 99–120.

- 3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
- 4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ) Ф. 795. Ед. хр. 9. Л. 1–7 об.
- 5. Fielding H. The History of Tom Jones, a foundling. In 2 vol. Paris, 1831. Vol. 1. 552 р. // Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (далее – ОГЛМТ). Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1854.
- 6. Dickens Ch. Oliver Twist; or, the parish boy's progress. Paris, 1839. 712 р. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1924.
- 7. Bourget P. Ivan Tourgueniev // Bourget P. Nouveaux essais de psychologie contemporaine. Paris, 1886. P. 199-250.
- 8. Вейнберг П.И. И.С. Тургенев // Изящная литература. 1883. № 8. С. 1–2.
- 9. Первое собрание писем И.С. Тургенева. 1840–1883 гг. СПб., 1884. VIII. 564 с.
- 10. Vogue E.-M. de Ivan Serguiévitch Tourguénef // Revue des Deux Mondes. 1883. T. LIX (oct.). P. 786-820.
- 11. Боборыкин П.Д. Эволюция русского романа // Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н.И. Стороженко. М., 1902. С. 1–19.
- 12. Пумпянский Л.В. Тургенев и Запад // И.С. Тургенев. Материалы и исследования. Орёл, 1940. С. 90-108.
- 13. Тимирязев В.А. Тургенев и Бальзак в оценке Джорджа Мура // Исторический вестник. 1904. Т. ХСVI (май). С. 651-653.
- 14. Moore G. Avowals. London, 1919. 310 p.
- 15. Гутман Д.С. Тургенев и европейский реализм середины XIX века // Филологические науки. 1968. № 5. С. 42–54.
- 16. Ладария М.Г. Тургенев и Бальзак (К проблеме становления тургеневской концепции европейской литературы) // Труды Абхазского государственного университета. Тбилиси, 1983. Т. 1. С. 211-224.
- 17. Затонский Д.В. Европейский реализм XIX в. Лики и линии. Киев: Наукова думка, 1984. 282 с.
- 18. Бальзак О. Собрание сочинений: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1951-1955.
- 19. Гонкур Э. и Ж. де Дневник. Записки о литературной жизни: в 2 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 2. 767 с.
- 20. Жилякова Э.М. Кавказский сюжет Л.Н. Толстого // Имагология и компаративистика. 2017. № 2 (8). С. 124–141.
- 21. Эйхенбаум Б.М. Главы из незавершённой монографии о Толстом // Эйхенбаум Б.М. Работы о Льве Толстом: исследования : статьи. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 751–883.
- 22. Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. Л.: ГИХЛ, 1939. 412 с.
- 23. Санд Ж. Оноре де Бальзак // Собрание сочиней: в 9 т. Л.: Худож. лит., 1974. Т. 8. С. 664-676.
- 24. Иванова Н.Ю., Мишина Л.А. Поэзия идеала в романах Бальзака («Шагреневая кожа» и «Отец Горио») // На рубеже веков: итоги и перспективы : материалы XXXIV науч. студен. конф. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. С. 48-49.
- 25. Кастиль И. Современные романисты. Бальзак // Библиотека для чтения. 1846. Т. 79. Отд. VII. С. 13-21.
- 26. Bernard Ch. de La femme de quarante ans. Bruxelles, 1837. 248 p. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 3858.
- 27. Balzac O. de La peau de chagrin. Etudes sociales. Paris, 1838. 403 р. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 2004.
- 28. Correspondance de H. de Balzac: en 2 vol. Paris, 1876. Vol. 1. 477 р. 29. Волков И.О. «Со страхом... и верою приступите...»: И.С. Тургенев читатель Шекспира (по материалам родовой библиотеки писателя) // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С. 33–40.
- 30. Балыкова Л.А. Мемориальная библиотека И.С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 142 с.
- 31. Гриб В.Р. Бальзак о судьбе личности в буржуазном обществе // Гриб В.Р. Избранные работы. М.: ГИХЛ, 1956. С. 248–259. 32. Виницкий И.Ю. Нечто о привидениях. М.: Изд-во Моск. культурол. лицея, 1998. 319 с.
- 33. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. М.: Наука, 1968. Т. 13. Кн. 2. 540 с.
- 34. Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н. Комментарий <к повести И.С. Тургенева «Петушков»> // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 4. С. 579–585.
- 35. Грифцов Б.А. Как работал Бальзак. М. : ГИХЛ, 1958. 300 с.
- 36. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / ред. и изд. А.А. Станкевича. М., 1914. 785 с.
- 37. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953–1858.
- 38. Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М.: Худож. лит., 1987. 333 с.
- 39. Реизов Б.Г. «Отец Горио» и «Библиотека для чтения» // Реизов Б.Г. Бальзак : сб. ст. Л. : ЛГУ, 1960. С. 163–172.
- 40. Резник Р.А. Белинский о Бальзаке // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1953. Т. ХХХІІІ (вып. филол.). C. 78-108.
- 41. Гроссман Л.П. Бальзак в России // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. Т. 31–32. С. 149–372.
- 42. Бялый Г.А., Муратов А.Б. Тургенев в Петербурге. Л.: Лениздат, 1970. 375 с.
- 43. Азадовский М.К. Затерянные фельетоны Тургенева. Иркутск: Власть труда, 1927. 28 с.
- 44. Генералова Н.П. Кто был автором «Современных заметок»? // Русская литература. 1999. № 1. С. 228–248.
- 45. Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа (Из истории русско-европейских общественных и литературных отношений). СПб.,
- 46. Тургенев И.С. Современные заметки // Фельетоны сороковых годов / под ред. Ю.Г. Оксмана. М.; Л.: Academia, 1930. С. 215–302.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 сентября 2019 г.

I.S. Turgenev and H. de Balzac: On the Way to Shakespeare (On the Materials of the Writer's Family Library). Article One Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 18–27.

DOI: 10.17223/15617793/447/3

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), E-mail: emmaluk@vandex.ru

Keywords: I.S. Turgenev; H. de Balzac; W. Shakespeare; Turgenev's family library.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00219, "I.S. Turgenev and the Issues of West European Literature (On the Materials of the Writer's Library)".

The article dwells on the issue of the artistic interaction of I.S. Turgenev and H. de Balzac. For them, from the aesthetic point of view, W. Shakespeare's heritage, which became an important crossing point, finds traces in the structure of the authors' artistic dialogue. For the first time, the question of Turgenev's personal attitude to the literary works of the French Romanticist Balzac is studied on the materials of the writer's personal (family) library. Over his lifetime, Turgenev repeatedly expressed a negative attitude to Balzac's artistic method yet admitting his "great talent". Turgenev's statements gave an important reason to draw parallels between the two aesthetics, which resulted in the development of typological and contact connections on different grounds. Characterizing Balzac's literary works, Turgenev correctly identified their peculiarity: the supreme generality of literary descriptions, with the help of which an image developed into a type. Turgenev strongly denied this confinement of a vivid image of the reality to the frame of a typical depiction. Besides, the Russian writer was against Balzac's idea of exploring the depth of the human vicious

nature, of opposing moral vice to the lofty ideal on the same basis. In other words, according to Turgenev, Balzac, reflecting on the ordinary material, does not proceed to overall poetization. For a long time, Turgenev captivatingly read Balzac's works making notes on the pages of *The Skin of Sorrow*, which contributed to Turgenev's "Balzac collection" (the readers' volume of independents, rebinding). Turgenev deeply studied the aesthetics and poetics of *The Human Comedy*, paying special attention to the author's stylistics, methods of characterology and principles of image construction. Turgenev's reception of Balzac's literary art fits into the significant context of the Russian critical reflection represented by N.V. Stankevich and V.G. Belinsky. Turgenev's satirical essays of the 1840s add to his evaluation of the French writer. Three satirical articles from *Sovremennye Zametki* (1847) attributed to Turgenev confirm his initial antagonism towards Balzac. They also show that Turgenev knew Balzac's novel *Old Goriot*, which at the time became the object of artistic reflection through the lens of Shakespearean art.

REFERENCES

- 1. Turgeney, I.S. (1981) Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. [Complete works: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
- 2. Pushkin, A.S. (1948) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 16 t.* [Complete works and letters: in 16 vols]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 99–120.
- 3. Turgenev, I.S. (1978–1986) Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. [Complete works: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
- 4. Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB) Fund 795. Item. 9. Pages 1-7 rev. (In Russian).
- 5. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325. Fielding, H. (1854) The History of Tom Jones, a foundling. In 2 vol. Paris, 1831. Vol. 1. 552 p.
- Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325. Dickens, Ch. (1924) Oliver Twist; or, the parish boy's progress. Paris, 1839. 712 p.
- 7. Bourget, P. (1886) Nouveaux essais de psychologie contemporaine. Paris: Lemerre. pp. 199-250.
- 8. Veynberg, P.I. (1883) I.S. Turgenev. Izyashchnaya literatura. 8. pp. 1-2. (In Russian).
- 9. Turgenev, I.S. (1884) *Pervoe sobranie pisem I.S. Turgeneva. 1840–1883 gg.* [The first collection of I.S. Turgenev's letters. 1840–1883]. St. Petersburg: Izdanie Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym.
- 10. Vogue, E.-M. de. (1883) Ivan Serguiévitch Tourguénef. Revue des Deux Mondes. LIX (Oct.). pp. 786-820.
- 11. Boborykin, P.D. (1902) Evolyutsiya russkogo romana [The evolution of the Russian novel]. In: *Pod znamenem nauki. Yubileynyy sbornik v chest' N.I. Storozhenko* [Under the banner of science. Anniversary collection in honor of N.I. Storozhenko]. Moscow: Tipolitogr. A. V. Vasil'eva i K°. pp. 1–19.
- 12. Pumpyanskiy, L.V. (1940) Turgenev i Zapad [Turgenev and the West]. In: Brodskiy, N.L. (ed.) *I.S. Turgenev. Materialy i issledovaniya* [I.S. Turgenev. Materials and research]. Orel: Izdatel'stvo Orlovskogo oblastnogo soveta deputatov trudyashchikhsya. pp. 90–108.
- 13. Timiryazev, V.A.(1904) Turgenev i Bal'zak v otsenke Dzhordzha Mura [Turgenev and Balzac in the assessment by George Moore]. *Istoricheskiy vestnik*. XCVI (May). pp. 651–653.
- 14. Moore, G. (1919) Avowals. London: Privately Printed.
- 15. Gutman, D.S. (1968) Turgenev i evropeyskiy realizm serediny XIX veka [Turgenev and European Realism of the mid-19th century]. Filologicheskie nauki. 5. pp. 42–54.
- Ladariya, M.G. (1983) Turgenev i Bal'zak (K probleme stanovleniya turgenevskoy kontseptsii evropeyskoy literatury) [Turgenev and Balzac (On the problem of the formation of Turgenev's concept of European literature)]. Trudy Abkhazskogo gosudarstvennogo universiteta. 1. pp. 211–224.
- 17. Zatonskiy, D.V. (1984) Evropeyskiy realizm XIX v. Liki i linii [European realism of the 19th century. Faces and lines]. Kiev: Naukova dumka.
- 18. Balzac, H. de. (1951-1955) Sobranie sochineniy: v 15 t. [Collected Works: in 15 vols]. Moscow: GIKhL.
- 19. Goncourt, E. de & Goncourt, J. de. (1964) *Dnevnik: Zapiski o literaturnoy zhizni: v 2 t.* [The Goncourt Journal: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
- 20. Zhilyakova, E.M. (2017) The Caucasian plot of Leo Tolstoy. *Imagologiya i komparativistika Imagology and Comparative Studies*. 2 (8). pp. 124–141. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/8/7
- 21. Eykhenbaum, B.M. (2009) Raboty o L've Tolstom: issledovaniya: stat'i [Works about Leo Tolstoy: research: articles]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University. pp. 751–883.
- 22. Reizov, B.G. (1939) Tvorchestvo Bal'zaka [Balzac's writings]. Leningrad: GIKhL.
- 23. Sand, G. (1974) Sobranie sochiney: v 9 t. [Collected Works: in 9 vols]. Translated form French. Vol. 8. Leningrad: Khudozh. lit. pp. 664-676.
- 24. Ivanova, N.Yu. & Mishina, L.A. (2000) [Poetry of the ideal in Balzac's novels ("The Skin of Sorrow" and "Old Goriot")]. *Na rubezhe vekov: itogi i perspektivy* [At the Turn of the Century: Results and Prospects]. Proceedings of the XXXIV Student Conference. Cheboksary: Chuvash State University. pp. 48–49. (In Russian).
- 25. Kastil', I. (1846) Sovremennye romanisty. Bal'zak [Contemporary novelists. Balzac]. Biblioteka dlya chteniya. 79 (VII). pp. 13–21.
- 26. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 3858. Bernard, Ch. de. (1837) La femme de quarante ans. Bruxelles, 248 p.
- 27. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325 / 2004. Balzac, H. de (2004) La peau de chagrin. Etudes sociales. Paris, 1838. 403 p.
- 28. Balzac, H. de. (1876) Correspondance de H. de Balzac: en 2 vol. Vol. 1. Paris: Calmann-Lévy.
- 29. Volkov, I.O. (2018) "With Fear . . . and by Faith Begin . . .": I.S. Turgenev Is Shakespeare Reader (On the Material of Turgenev's Family Library). Filologicheskiy klass. 3 (53). pp. 33–40. (In Russian).
- 30. Balykova, L.A. (2003) Memorial naya biblioteka I.S. Turgeneva kak istochnik dlya izucheniya biografii i tvorchestva pisatelya [I.S. Turgenev's Memorial Library as a source for studying the biography and work of the writer]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
- 31. Grib, V.R. (1956) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: GIKhL. pp. 248–259.
- 32. Vinitskiy, I.Yu. (1998) Nechto o privideniyakh [Something about ghosts]. Moscow: Izd-vo Mosk. kul'turol. litseya.
- 33. Turgenev, I.S. (1968) Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. [Complete works and letters: in 28 vols]. Vol. 13. Book 2. Moscow: Nauka.
- 34. Dubovikov, A.N. & Dunaeva, E.N. (1980) Kommentariy <k povesti I.S. Turgeneva "Petushkov"> [Commentary <to I.S. Turgenev's story "Petushkov">]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy:* v 30 t. [Complete works: in 30 vols]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 579–585.
- 35. Griftsov, B.A. (1958) Kak rabotal Bal'zak [How Balzac worked]. Moscow: GIKhL.
- Stankevich, A.A. (ed.) (1914) Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha. 1830–1840 [Correspondence of Nikolay Stankevich. 1830–1840].
   Moscow: Tovarishchestvo tipografiy A.I. Mamontova.
- 37. Belinskiy, V.G. (1953–1958) Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. [Complete works: in 13 vols]. Moscow: USSR AS.
- 38. Grigorovich, D.V. (1987) Literaturnye vospominaniya [Literary memories]. Moscow: Khudozh. lit.
- 39. Reizov, B.G. (1960) Bal'zak: sb. st. [Balzac: Articles]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 163–172.
- Reznik, R.A. (1953) Belinskiy o Bal'zake [Belinsky about Balzac]. Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. XXXIII. pp. 78–108.

- 41. Grossman, L.P. (1937) Bal'zak v Rossii [Balzac in Russia]. In: Makashin, S.A. (ed.) Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. Vols 31-32 Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 149-372.
- 42. Byalyy, G.A. & Muratov, A.B. (1970) *Turgenev v Peterburge* [Turgenev in Petersburg]. Leningrad: Lenizdat. 43. Azadovskiy, M.K. (1927) *Zateryannye fel'etony Turgeneva* [Lost feuilletons by Turgenev]. Irkutsk: Vlast' truda.
- 44. Generalova, N.P. (1999) Kto byl avtorom "Sovremennykh zametok"? [Who was the author of "Contemporary Notes"?]. Russkaya literatura. 1.
- pp. 228–248.
  45. Generalova, N.P. (2003) I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy) [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa (Iz istorii russko-evropeyskikh obshchestvennykh i literaturnykh otnosheniy [I.S. Turgenev: Rossiya i Evropa nev: Russia and Europe (From the History of Russian-European Public and Literary Relations)]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian
- 46. Turgenev, I.S. (1930) Sovremennye zametki [Contemporary Notes]. In: Oksman, Yu.G. (ed.) Fel'etony sorokovykh godov [Feuilletons of the forties]. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 215-302.

Received: 15 September 2019